ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 5 | 2026. Volume 19. Issue 5
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Функциональная специфика исповедальности современного мемуарного жанра (на материале мемуаров принца Гарри)

Бобырева Е. В.

Аннотация. Цель исследования – выявление функциональной специфики исповедальной интенции, генерируемой в жанре религиозной исповеди и выступающей центральным компонентом современного жанра мемуаров. В статье рассмотрена природа центрального ядра религиозной исповеди – исповедальной интенции, способной реализоваться в различных нерелигиозных жанрах, в частности, в жанре мемуаров. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на материале английского языка выявлены и описаны функции, выполняемые исповедальной интенцией в современном жанре мемуаров. В результате исследования установлено, что вне религиозного контекста исповедальная интенция выполняет как ряд свойственных ей по самой внутренней природе функций (рефлексирующую и терапевтическую), так и функции, реализация которых не характерна для религиозной сферы (коммуникативную и идеологическую). Показано, что вне религиозного контекста данная интенция чаще принимает имплицитные формы реализации.

EN

Functional specificity of confessionality in the contemporary memoir genre (based on Prince Harry's memoirs)

E. V. Bobyreva

Abstract. The study aims to identify the functional specificity of the confessional intention, which is generated within the genre of religious confession and serves as a central component of the contemporary memoir genre. The article examines the nature of the core of religious confession – the confessional intention – which can be realized in various non-religious genres, particularly in memoirs. The scientific novelty of the research lies in the fact that, for the first time using English-language material, it identifies and describes the functions performed by the confessional intention in the contemporary memoir genre. The study establishes that outside a religious context, the confessional intention performs a series of functions inherent to its inner nature (reflective and therapeutic) as well as functions whose realization is not characteristic of the religious sphere (communicative and ideological). It is demonstrated that outside of a religious context, this intention more frequently takes implicit forms of realization.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями развития лингвистики, проявляющимися в концентрации внимания на развитии междисциплинарных и межотраслевых направлений исследования; универсальностью жанра религиозной исповеди, перешагнувшего рамки религиозного дискурса и выступающего объектом комплексного исследования в теологии, философии, психологии и ряде других наук (в центре рассмотрения которых находится природа человека); характером исповедальной интенции, способной в силу своей специфики трансформироваться как в структурном, так и в понятийном плане, в соответствии со сферой общения и временными рамками коммуникации; имеющим местом в настоящее время интересом широкой аудитории к фактам жизни медийной личности, что, в свою очередь, предопределяет популярность жанров, автором которых выступает сама данная личность (в частности, жанра мемуаров) и в которых исповедальная интенция является центральной. Такого рода исследования позволяют как рассмотреть внешнюю сторону языковых явлений, так и проникнуть во внутренний мир автора текста, понять его мотивацию и, соответственно, рассмотреть когнитивный план анализируемых процессов текстопорождения.

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260251

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

– определить природу компонента исповедальности, составляющего смысловое и интенционное ядро религиозной исповеди;

– установить возможность актуализации и место исповедального компонента вне религиозной сферы, в нерелигиозных текстах и жанрах;

– дефинировать мемуары как жанровый образец, в котором компонент исповедальности проявляется наиболее рельефно ввиду основной цели создания мемуарного текста – поделиться с читателем значимыми фактами жизни автора (переосмысливая ряд имевших в прошлом место событий и отношений), – а также потребности его автора рефлексировать по поводу произошедшего;

– выявить специфику и назначение использования исповедальной интенции в текстах мемуаров, установить процентное соотношение реализуемых данной интенцией функций;

– показать возможность эксплицитного и имплицитного воплощения анализируемой интенции при значительном превалировании последнего.

Материалом для проведения исследования послужили тексты мемуаров публичной личности – британского принца Гарри – “Spare” («Запасной»), опубликованные в 2023 году. Методом сплошной выборки были отобраны 156 текстовых фрагментов, содержащих примеры воплощения исповедальной интенции.

Теоретическую базу проводимого исследования составили работы Н. Д. Арутюновой (1999), Н. Б. Мечковской (2004), Ю. С. Островой (2022), А. Д. Шмелева (2002), в которых исследованы вопросы специфики национально-языковой картины мира; В. И. Карасика (2002), О. А. Прохватиловой (1999), С. Н. Воробьевой (2020), содержащие анализ основных характеристик религиозного дискурса и его отдельных жанров; Е. В. Артамоновой (2008), А. С. Пригариной (2012), посвященные исследованию отдельных характеристик жанра религиозной исповеди; О. С. Кудлай (2023), И. В. Раковой (2003), Т. В. Садовниковой (2004), А. Д. Степанова (2005), М. С. Уварова (1992), Г. П. Худяковой (2007), В. И. Чудиновой (2001), в которых рассматриваются способы выражения покаяния в различных нерелигиозных литературных жанрах.

В ходе проведения исследования использовались как методы, позволяющие определить способы актуализации исповедальной интенции (метод семантического анализа, компонентный анализ), так и методы, способствующие выявлению функций, выполняемых данной интенцией в текстовых образцах, созданных в рамках английской лингвокультуры (сравнительно-сопоставительный метод); кроме того, использован статистический метод для наглядного представления полученных в ходе исследования результатов. Выбранная и используемая в процессе исследования методика способствует достоверности полученных выводов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов при разработке и чтении вузовских теоретических курсов общего языкознания, лексикологии и стилистики английского языка, спецкурсов по когнитивной лингвистике и теории дискурса, на практических занятиях по интерпретации художественного текста. Кроме того, представленный в статье материал может использоваться студентами институтов и факультетов иностранных языков при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Обсуждение и результаты

Исповедальная интенция, генерируемая в рамках религиозного дискурса, особым образом трансформируясь, воплощается в различных текстах и жанрах, в частности, в мемуарах, авторами которых выступает та или иная медийная личность.

Жанр мемуаров, являющийся объектом рассмотрения в данной статье, приобретает все большую популярность в современном обществе в силу интереса широкой аудитории к фактам жизни медийной личности.

На написание мемуаров автора подталкивает, как правило, внутреннее желание высказаться, выговориться, «придать огласке» то, что его волнует. Равно как и непременным компонентом исповеди является внутренняя оценка человеком своих действий (вербальных и невербальных), отношения к окружающим, поведения и т. п. В случае, если результат такой оценки по каким-то причинам отклоняется от разделяемых человеком моральных принципов и установленных правил поведения, возникает потребность поделиться с другим, объяснить причины такого поведения, получить понимание и поддержку и в результате достичь внутреннего облегчения.

Исповедь представляет собой один из центральных и максимально специфичных жанров религиозного дискурса, сфера функционирования которого четко ограничена религиозной сферой взаимодействия. Участники религиозной исповеди, которая в своей традиционной форме имеет диалогический характер (исповедующийся – лицо, принимающее исповедь), как правило, также непосредственно связаны с религиозной сферой (по крайней мере, данное положение справедливо в отношении одного из них – священнослужителя). Однако в силу своей функциональной направленности, в качестве регулятора морально-этических норм и корректировки поведения человека, жанр исповеди вышел за пределы религиозного дискурса. Данное обстоятельство обусловлено психологией человека, которому свойственно рефлексировать по поводу совершенных им поступков и поведения в определенных ситуациях. Таким образом, исповедальный компонент оказывается присущ не только религиозным жанровым образцам, но и различным современным нерелигиозным жанрам, особым образом преломляясь в последних. Предметом данной статьи выступает центральный компонент исповеди, а именно исповедальная интенция, представляющая собой намерение и потребность человека сообщить результаты своей рефлексии по поводу определенных (как правило, некорректных

с морально-этической или регулятивно-правовой точек зрения) фактов, которые имели место в его жизни в прошлом, и необходимость наличия адресата (который может быть как конкретной личностью, так и выступать как коллективный адресат), готового «выслушать» раскаяние человека и если не «ниспослать» прощение (как это имеет место в исповеди религиозной), то, по крайней мере, попытаться понять, что на такое некорректное (а в религиозном понимании – греховное) поведение исповедующегося толкнули независящие от него причины. Таким образом, автор исповеди как бы снимает с себя ответственность за совершенное, а общество, понявшее причины его поведения, в определенной степени его оправдывает.

Исповедальная интенция выступает центральным компонентом многих современных жанров, что, как мы отмечали, определено природой самого человека. Однако на каждой ступени исторического развития общества формы актуализации подобной интенции различны.

Религиозный дискурс и его отдельные жанры на протяжении десятилетий становились и продолжают становиться предметом научных исследований. Такой неослабевающий интерес объясняется как природой религиозных текстов, излагающих основы практически всех аспектов жизни человека и предоставляющих ответы на многие вопросы, так и природой человека, которому необходим определенный морально-этический компас, которым выступают базовые положения любой мировой религии. Однако интерес распространяется не только на религиозные тексты, составляющие основу учения, но и на особенности преломления отдельных компонентов, положений, понятий религиозного учения на жизнь современного общества.

Исповедь, как религиозный феномен и морально-этическое понятие, имеет особую значимость, предоставляя человеку возможность рефлексировать по поводу своей жизни в целом и отдельных поступков в частности. Именно значимость такой рефлексии предопределила функционирование центрального компонента исповеди (исповедальной интенции) вне религиозного контекста. «Исповедь как покаяние, признание собственных грехов и раскаяние в содеянном является только одним из звеньев в гораздо более сложной и длинной цепи» (Бобырева, 2007, с. 290). При этом некая потеря сакральности не лишает данный компонент значимости.

Религиозная исповедь является таинством, поэтому не представляется возможным провести анализ реальных текстовых образцов исповеди, которые всегда индивидуальны. Однако, хотя семантический план конкретных образцов индивидуальной исповеди скрыт от посторонних (в частности, не доступен для исследования), анализу может быть подвергнут фрейм или сценарий разворачивания этого жанра.

Движущим механизмом исповеди выступает покаяние, представляющее собой «признание человеком своей греховности, сожаление о содеянном и сильное желание исправиться. Данное ядро и составляет основу исповеди – покаянную интенцию» (Пригарина, 2012, с. 89).

Основное сходство религиозной исповеди и исповедальной интенции (присутствующей в нерелигиозных литературных жанрах) – абсолютное отрицание любой несправедливости. Кроме того, нужно отметить такие характеристики, как открытость автора исповеди и наличие у него потребности высказаться. В идеале должны присутствовать раскаяние и самоосуждение, но они, однако, не облигаторны при реализации исповедальной интенции в литературных жанрах.

Совершение исповеди имеет смысл только при условии честности, открытости, искренности и откровенности исповедывающегося лица; а мемуары как раз выступают откровенным рассказом автора широкой аудитории о некоторых фактах и событиях своей жизни. У автора есть возможность откровенно рассказать читателям свою историю, читатели же имеют возможность понять автора и, таким образом, вправе «принять его исповедь» или не понять последнего, считая, что он сам является причиной совершенных им в жизни неверных шагов.

Автор исповеди может помещать в центр рассмотрения либо события, участником которых ему пришлось быть, либо свои эмоции, чувства, переживания, возникшие в той или иной ситуации. Интерпретация исповедальной интенции более интересна для анализа в том случае, когда автор мемуаров делает акцент на своих эмоциях и переживаниях, на влиянии на него описываемых событий.

Если в жанре религиозной исповеди исповедальная, покаянная интенция имеет целью признание человеком совершенного греха, раскаяние и получение прощения, то функциональная специфика исповедальной интенции, реализуемой вне религиозного контекста, намного шире и разнообразнее, поскольку предполагает не просто констатацию совершенного греха или поступка, не соответствующего принятым моральным принципам и нормам поведения. Вне религиозного контекста текстовые образцы, содержащие исповедальную интенцию, предполагают рефлексию автора, оценку произошедшего, поиск причин и нередко поиск лица или случаев, приведших к стечению обстоятельств, в которых автор был вынужден поступить таким образом.

Анализ случаев актуализации данной интенции в анализируемых нами текстах мемуаров британского принца Гарри “Spare” (Запасной) позволил выделить следующие функции:

1. *Коммуникативная*. Реализация данной функции способствует удовлетворению потребности автора мемуаров выговориться, он надеется быть услышанным и понятым: *“How beautiful it all is, I thought. And also how sad. You know, once upon a time, this was going to be my forever home. Instead it had proved to be just another brief stop……..When my wife and I fled this place, in fear for our sanity and physical safety, I wasn’t sure when I’d ever come back. That was January 2020. Now, fifteen months later, here I was, days after waking to thirty-two missed calls and then one short, heart-racing talk with Granny: Harry . . . Grandpa’s gone….”* (Prince Harry, 2023, p. 21). / «Как прекрасно всё это, подумал я. И одновременно, как печально. Знаете, а когда-то это могло навсегда стать моим домом. Но вместо этого, это оказалось просто еще одной короткой остановкой……. Когда моя жена и я сбежали из этого места в страхе за свое психическое и физическое здоровье, я был не уверен, когда смогу вернуться

назад. Это было в январе 2020 года. И вот, пятнадцать месяцев спустя, спустя несколько дней после того, как я проснулся, обнаружив тридцать два пропущенных звонка, а потом этот один короткий, разрывающий мне сердце разговор с бабулей: Гарри….. Дедушка умер….. (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – *Е. Б.*).

Довольно часто установлению контакта с аудиторией способствуют фразы, направленные на диалог с читателем: “You know…” (Знаете…), “Can you believe…” (Вы можете поверить…), “Wow, I thought…” (Вау, подумал я…). В данном случае автору действительно необходимо выговориться, фраза *“You know”* представляет собой попытку установить контакт с аудиторией (потенциальными читателями мемуаров автора). Благодаря таким отсылкам к коллективному адресанту устанавливается контакт с последним; идущие из глубины души сентенции автора направлены не в «пустоту», а рассчитаны на вполне конкретного адресата, которого автор хотя и не видит, но наличие которого ощущает, надеясь на его понимание. То есть целью «покаяния» выступает не раскаяние лица в совершенном (как в ходе религиозного таинства), а желание выговориться, найти поддержку и понимание.

2. *Рефлексирующая*. Данную функцию следовало бы поставить на первое место по значимости в мемуарном тексте. Реализация данной функции предполагает, что лицо, приносящее исповедь, пытается «заглянуть внутрь себя», рефлексирует по поводу своих мыслей, отношений, возникших чувств (центральным из которых, как показал наш анализ, выступает чувство обиды на близких, чье отношение автор считает не соответствующим его ожиданиям): *“… Standing there, I wondered how Wallis and Edward felt now about all their fretting. Did any of it matter in the end? I wondered if they wondered at all. Were they floating in some airy realm, still mulling their choices, or were they Nowhere, thinking Nothing? Could there really be Nothing after this? Does consciousness, like time, have a stop? Or maybe, I thought, just maybe, they’re here right now, next to the fake Gothic ruin, or next to me, eavesdropping on my thoughts. And if so . . . maybe my mother is too? The thought of her, as always, gave me a jolt of hope, and a burst of energy. And a stab of sorrow. I missed my mother every day, but that day, on the verge of that nerve-racking rendezvous at Frogmore, I found myself longing for her, and I couldn’t say just why. Like so much about her, it was hard to put into words…”* (Prince Harry, 2023, p. 15). / «…Стоя здесь, я пытался понять, что чувствовали Уоллис и Эдвард? Имело ли всё это в конце концов хоть какое-то значение? Мне было интересно, волновало ли их всё это? Парили ли они где-то в небесах, продолжая обдумывать возможные для них варианты, или же они пребывали в Пустоте, не думая Ни о чем? Возможно ли было после всего этого Ни о чем не думать? Есть ли пределы нашему сознанию? Есть ли границы у времени? Или, может быть, думал я, просто, может быть, они здесь сейчас, рядом с этими фальшивыми готическими развалинами или рядом со мной, пытаются тайком проникнуть в мои мысли. А если это так… может быть и моя мама тут? Мысль о ней, как обычно, дала мне некую надежду и заряд энергии. И как кинжалом пронзила меня чувством горя. Я каждый день скучал по маме, но в тот день, накануне предстоящей волнительной встречи в Фрогморе, я ощутил, как мучительно по ней скучаю; и я не мог объяснить причину этого. Как и многое, что было связано с ней, было невозможно выразить словами…». Вместе с попыткой открыть свою душу аудитории, автор пытается понять причины произошедшего. Рефлексия четко прослеживается в таких фразах, как “I wondered…” (я удивлялся…), “I thought…” (я думал…), “If so, may be…” (если это так, может быть…) и т. п. По сути данная функция не свойственна (или, вернее, не столь характерна) исповеди религиозной, осуществляя которую, человек не пытается найти объяснения совершенному им греху, он не оправдывается, а просто констатирует свои неправедные поступки и просит за них прощения у Всевышнего. В случае актуализации исповедальной интенции вне религиозного контекста человек именно рефлексирует, пытаясь найти оправдание, снимая с себя ответственность и перекладывая ее на окружающих или на обстоятельства.

3. *Аксиологическая*. Функция определения ценностных приоритетов, переоценки ценностей на основе приобретенного опыта или понимания того, что произошло, с позиции накопленного автором опыта: *“there was a smallish staircase with a heavy iron banister; it led up to the second floor, where stood a statue of Queen Victoria. I always bowed to her as I passed. Your Majesty! Willy did too. We’d been told to, but I’d have done it any way. I found the ''Grandmama of Europe'' hugely compelling, and not just because Granny loved her, nor because Pa once wanted to name me after her husband. (Mummy blocked him.) Victoria knew great love, soaring happiness…”* (Prince Harry, 2023, p. 81). / «…там была небольшая лестница с тяжелыми железными перилами; она вела на второй этаж, где стояла статуя Королевы Виктории. Проходя мимо, я всегда кланялся ей. Ваше Величество! И Уилли тоже делал так. Нас учили, что так следует делать, но я бы и так делал это. Я нахожу, что “Бабушка Европы” была просто выше всех похвал, и не только потому, что ее любила бабуля, и не потому, что дедушка когда-то даже хотел назвать меня в честь ее мужа. (Мама не дала ему этого сделать.) Виктория знала большую любовь, безграничное счастье…».

В приведенном выше примере видна расстановка автором мемуаров жизненных приоритетов. Несмотря на причиненную ему когда-то боль и сохраняющуюся обиду на королевскую семью, многое из связанного с этой семьей составляет систему ценностных приоритетов автора. Об этом свидетельствует фраза *“I always bowed to her as I passed…”* (Я всегда кланялся ей, проходя мимо…), в которой речь идет о статуе королевы Виктории, стоящей на одной из лестниц дворца. Вероятно, именно разрыв с семьей привел к крушению ценностных приоритетов автора и послужил толчком к переосмыслению многих моментов жизни, что и привело к необходимости покаяния и написанию мемуаров.

При реализации исповедальной интенцией данной функции автор не только излагает факты, но и проводит оценку имевших место событий. В подобных обобщениях и оценках нередко завуалировано выражено покаяние. Отметим, что аксиологический компонент составляет ядро религиозной исповеди, поскольку еще до ее вербализации (беседы со священником и изложения фактов жизни, которые тяготят человека), исповедующийся должен

сам провести оценку своих действий и мыслей, соизмеряя их с общепринятой в социуме или сформированной у него самого системой ценностей. Таким образом, реализация исповедальной интенцией аксиологической функции не вызывает сомнения. После проведения такой оценки, а также маркирования автором ряда фактов как отрицательных, последний как правило, выражает некое сожаление по поводу того, что имело место.

4. *Терапевтическая*. Это функция внутреннего очищения, облегчения души. Совершение исповеди будет бессмысленным, если у исповедующегося не наступит некоего катарсиса, очищения, облегчения. Исповедь для того и совершается, чтобы дать человеку чувство облегчения, возможность преодолеть внутреннюю боль и пробудить желание двигаться дальше. Внутренняя боль, как правило, более длительна и труднее поддается излечению, чем боль физическая. После принесения исповеди такая боль должна, если не уйти, то дать человеку некоторую передышку. Человек и идет на исповедь, когда ощущает, что внутренняя боль становится нестерпимой (в данном случае мы не рассматриваем глубоко верующих воцерковленных людей, совершающих таинство исповеди регулярно). Таким образом, реализация терапевтической функции как в религиозной исповеди, так и в каком-либо жанре за пределами религиозной сферы не вызывает сомнения: *“I thought of Grandpa’s strong opinions, his many passions – carriage driving, barbecuing, shooting, food, beer. The way he embraced life. He had that in common with my mother. Maybe that was why he’d been such a fan. Long before she was Princess Diana, back when she was simply Diana Spencer, kindergarten teacher, secret girlfriend of Prince Charles, my grandfather was her loudest advocate. Some said he actually brokered my parents’ marriage. If so, an argument could be made that Grandpa was the Prime Cause in my world. But for him, I wouldn’t be here…”* (Prince Harry, 2023, p. 58). / «Я вспоминал о твердых убеждениях, которые всегда имел мой дедушка, его многочисленных увлечениях – таких как управление каретой, приготовление барбекю, стрельба, хорошая еда, пиво. То, как он умел жить. Это роднило его с моей мамой. Возможно, именно поэтому он был ее фанатом. Еще задолго до того, как она стала Принцессой Дианой, в те дни, когда она была еще просто Дианой Спенсер, воспитательницей в детском саду, никому не известной девушкой Принца Чарльза, мой дедушка уже тогда был ее самым рьяным защитником. Некоторые люди говорили мне, что именно он устроил брак моих родителей. Если это так, можно сказать, что именно дедушка стал Первопричиной Рождения моего мира. Если бы не он, меня бы не было здесь…». Автор мемуарного текста страдает из-за потери близких (деда и матери), которые, как ему кажется, умели жить (*Grandpa’s strong opinions, his many passions…*), любили жизнь и этого умения не хватает ему. Через их примеры он пытается понять смысл своей жизни, но для этого ему необходимо преодолеть боль от потери близких и предательства семьи. Мысль о силе духа его дедушки помогает автору мемуаров преодолеть боль потери, реализации указанной функции во многом способствуют такие выражения, как *“strong opinions”*, *“passions”*, *“the way he embraced life”*. Именно данные качества, которые автор пытается выработать и в своем характере, позволяют ему постепенно избавиться от мучавшей его боли.

5. *Фиксация приобретенного опыта* (как положительного, так и отрицательного). Данную функцию, по степени ее значимости, следовало бы поместить на первое место в анализируемом жанре, поскольку любой мемуарный текст – это всегда передача аудитории накопленного человеком опыта: *“Whatever the cause, my memory is my memory, it does what it does, gathers and curates as it sees fit, and there’s just as much truth in what I remember and how I remember it as there is in so-called objective facts. Things like chronology and cause-andeffect are often just fables we tell ourselves about the past. The past is never dead. It’s not even past. When I discovered that quotation not long ago on BrainyQuote.com, I was thunderstruck. I thought, Who the fook is Faulkner? And how’s he related to us Windsors?”* (Prince Harry, 2023, p. 56). / «Какова бы ни была причина этого, моя память – это моя память, она делает то, что делает – собирает и фиксирует то, что видит; в том, что отложилось в моей памяти, много правды, то, что я помню – это объективные факты. Такие вещи, как хронология и причинно-следственные отношения, – часто просто сказки, которые мы рассказываем друг другу о нашем прошлом. Но прошлое никогда не умирает. И поэтому оно даже не прошлое. Когда я обнаружил эту цитату не так давно на сайте BrainyQuote.com, меня просто поразило. Я подумал: Кто, черт возьми, этот Фолкнет? И какое отношение он имеет к Виндзорам?». Отметим, что данная функция приобретается исповедальной интенцией за пределами религиозной сферы, для исповеди религиозной не характерно простое изложение фактов жизни человека (констатация приобретенного опыта), если только данные факты и последствия не имеют негативной природы и не тяготят человека. В рассматриваемом примере, анализируя свою прошлую жизнь и пытаясь найти причины своих переживаний и невозможности вычеркнуть из памяти (полностью забыть) причиненную ему когда-то боль, автор приводит цитату, случайно прочитанную им на одном из сайтов, которая во многом послужила объяснением испытываемого им состояния: *“The past is never dead. It’s not even past”* (Прошлое никогда не умирает. И поэтому оно даже не прошлое).

6. *Идеологическая*. Указанная функция представляет собой выражение социальной позиции автора мемуаров. О реализации подобной функции религиозной исповедью можно говорить крайне редко, поскольку в фокусе ее внимания находится личность самого человека, его поведение, отношение к окружающим и т. п. Идеологический компонент, на наш взгляд, не выступает и не может выступать центральным в жанре религиозной исповеди. Иное дело, когда исповедальная интенция реализуется в одном из нерелигиозных жанров, как в анализируемом жанре мемуаров. Здесь как раз не только допустимо, но и вполне уместно обозначение автором своей социальной позиции, без которой нельзя верно понять некоторые моменты его жизни: *“…A shock to the system, a shock to myself, going from sun-drenched St Tropez to cloud-shadowed Balmoral. I vaguely remember that shock…”* (Prince Harry, 2023, p. 81). / «…Шок для всей системы, шок для меня самого, перебраться из залитого солнцем Сен-Тропе в затянутый тучами Балморал. Я смутно помню тот шок…». Хотя в данном примере прямо не выражена позиция автора мемуаров, но он вспоминает о смене места, где проживала его семья, и переезде на менее приемлемое для их социального статуса место жительства.

Еще одним примером реализации анализируемой интенции, в котором также имеет место рассматриваемая нами функция, выступает пассаж, в котором автор вспоминает о том, как в силу сформированной у него еще в детстве системы взглядов и ценностных ориентиров, разделяемых представителями их социальной группы, ему не разрешали проявлять чувства и эмоции на публике (даже в такой скорбный день, как похороны мамы). Эта идеологическая позиция, бесспорно принимаемая им в прошлом, в настоящее время отрицается и вызывает чувство неприятия: *"I wanted to cry, and I'd tried to, because Mummy's life had been so sad that she'd felt the need to disappear... But I couldn't squeeze out one drop. I'd learned too well, absorbed too deeply, the ethos of the family, that for us crying wasn't an option, it was unecceptable..."* (Prince Harry, 2023, p. 42). / «Я хотел плакать, и я пытался, потому что жизнь мамы была настолько печальной, что она чувствовала, что должна исчезнуть... Но я не мог выжать из себя ни слезинки. Я хорошо "выучил" и так глубоко впитал нравственные постулаты нашей семьи – для нас слезы не допустимы, это было неприемлемо». Порожденная автором фраза *"the ethos of the family"*, а также пояснение *"for us"*, используемое в отношении их социального класса, четко демонстрирует принимаемую и разделяемую автором в прошлом идеологию, представляющуюся ему чуждой и полностью отвергаемую в настоящее время – что и вызывает у него сильное желание покаяться в совершенных ошибках.

В фрагментах мемуарного текста могут содержаться не только примеры оценки человеком его действий (как положительных, так и отрицательных), но и указание на то, как на него повлиял тот или иной человек или произошедшее событие: *"My body convulsed and my chin fell and I began to sob uncontrollably into my hands... I wasn't crying because I believed my mother was in that hole. Or in that coffin. I promised myself I'd never believe that, no matter what anyone said..."* (Prince Harry, 2023, p. 69). / «Мое тело билось в конвульсиях, подбородок дрожал, я не мог контролировать себя, закрыл лицо руками и просто разрыдался... Я плакал не потому, что там, в этом гробу, лежала моя мать. Я пообещал себе, что я никогда не поверю в то, что говорят вокруг, кто бы этого не говорил...». Автор четко передает свои чувства и отношение ко лжи, которой окутана смерть его матери – *"my body convulsed..."*, *"my chin fell..."*, *"I began to sob"* – и, кроме того, констатирует, как все события изменили его отношение к окружающим: *"I promised myself, I'd never believe that..."*.

Как показал проведенный анализ, выполнение исповедальной интенцией идеологической функции чрезвычайно важно для понимания внутреннего мира личности в контексте ее взаимодействия с окружающими и позиции, занимаемой в социуме.

Таким образом, продолжая выполнять рефлексирующую, аксиологическую и терапевтическую функции, которые в той или иной мере свойственны религиозной исповеди, исповедальная интенция при выходе за пределы религиозного контекста приобретает и ряд дополнительных функций, таких как коммуникативная, идеологическая, функция фиксации приобретенного опыта, значительно расширяя свой потенциал. Проведение количественных подсчетов показало следующее распределение выполняемых исповедальной интенцией в жанре мемуаров функций: коммуникативная функция (30%), рефлексирующая функция (15%), аксиологическая функция (11%), терапевтическая функция (3%), функция фиксации приобретенного опыта (28%), идеологическая функция (13%) (Таблица 1).

Таблица 1. *Функции исповедальной интенции в жанре мемуаров*

Функция исповедальной интенции	Коммуникативная	Рефлексирующая	Аксиологическая	Терапевтическая	Фиксации приобретенного опыта	Идеологическая
Процент реализации в мемуарном жанре	30%	15%	11%	3%	28%	**13%**

Как показало исследование, в мемуарном жанре исповедальная интенция чаще выполняет коммуникативную функцию, то есть автору важно «выговориться», установить некий (пусть и односторонний) контакт с аудиторией и по разным, но весьма значимым для него причинам сделать часть личной информации доступной для окружающих. Второе по значимости место занимает функция фиксации приобретенного опыта, что содержательно оправданно природой мемуарного жанра. В то же время терапевтическая функция, занимающая одно из основных мест в религиозной исповеди (исповедь как покаяние предполагает отпущение грехов и облегчение души), в мемуарном жанре реализуется реже, даже при условии внимания аудитории к мемуарам автора (литературный жанр, в отличие от религиозного таинства, не обладает способностью «врачевания» душевных ран). Рефлексирующая, аксиологическая и идеологическая функции продемонстрировали приблизительно одинаковые результаты. Как и при совершении религиозного таинства, автор мемуаров размышляет о некоторых фактах и событиях своей жизни, соотнося их со сложившейся у него системой ценностей. Отметим также, что идеологическая функция, практически не свойственная религиозной исповеди (поскольку ее основой выступает личностное начало, а социальный компонент несколько отодвигается на второй план), реализуется в анализируемом жанре мемуаров, так как в данном случае человек является частью социума, разделяя идеологические приоритеты определенной группы.

Заключение

Проведенное исследование позволило нам прийти к следующим выводам. Исповедальная интенция, выступающая смысловым и структурным ядром жанра религиозной исповеди, в силу своей значимости выходит за пределы религиозного дискурса, воплощаясь, в частности, в жанре исповеди.

Будучи вынесена за границы религиозного дискурса, исповедальная интенция не теряет своего основного назначения – облегчения души посредством сообщения окружающим о фактах и событиях, которые доставляют человеку душевную боль. Однако если при религиозной исповеди главным критерием оценки и, соответственно, предметом покаяния выступает отклонение от соблюдения религиозных заповедей, то при реализации исповедальной интенции вне религиозного контекста основной акцент оказывается смещен на четкость соблюдения морально-этических норм, а также на оценку взаимоотношений автора мемуаров с окружающими.

В жанре мемуаров, в силу того, что основная цель автора – поделиться с аудиторией (читателями) наиболее значимыми (как в позитивном, так и в негативном плане) фактами своей жизни, исповедальная интенция реализуется наиболее явно. В данном жанре исповедальная интенция выполняет ряд функций, некоторые из которых характерны для религиозной сферы (облегчение души при возможности высказаться), в частности терапевтическая и рефлексирующая функции, тогда как другие функции оказываются приобретены анализируемой интенцией при ее выходе за пределы религиозной сферы (функция идеологическая и коммуникативная). Терапевтическая функция, будучи ведущей в религиозной сфере, уступает место функции коммуникативной, а также функции фиксации приобретенного человеком опыта в жанре мемуаров.

В качестве перспективы дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать исследование дискурсивной специфики исповедальной интенции, поскольку практически в любом из типов институционального дискурса имеют место жанровые образцы, в центре которых оказываются личность и внутренний мир самого человека. Исследования видов трансформации и форм, приобретаемых исповедальной интенцией в каждом из типов дискурса, может составить перспективу дальнейшего исследования, что позволит расширить как рамки рассмотрения самого религиозного дискурса, так и дополнить теорию жанров новыми направлениями рассмотрения.

Материалы исследования | Research materials

1. Prince Harry. The Duke of Sussex Spare. Random House Publishing Group, 2023.

Источники | References

1. Артамонова Е. В. Жанры русской речи: исповедь, просьба о прощении, принесение извинения: дисс. … к. филол. н. Казань, 2008.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград: Перемена, 2007.
4. Воробьева С. Н. Религиозный дискурс: экстралингвистические и лингвистические особенности // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2 (81).
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
6. Кудлай О. С. Исповедь как литературная форма: истоки возникновения // Новый филологический вестник. 2023. № 3 (66).
7. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М.: Академия, 2004.
8. Островая Ю. С. Русская языковая картина мира и ее специфика (природа-культура-познание) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2022. Т. 32. № 3. https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-3-654-661
9. Пригарина А. С. Реализация исповедальной интенции в разных типах дискурса: дисс. … к. филол. н. Волгоград, 2012.
10. Прохватилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград, 1999.
11. Ракова И. В. Речевые черты жанра литературной исповеди второй половины XIX века: дисс. … к. филол. н. СПб., 2003.
12. Садовникова Т. В. Исповедальное начало в русской прозе 1960-х годов: на материале жанра повести. Екатеринбург, 2004.
13. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова: монография. М.: Языки славянской культуры, 2005.
14. Уваров М. С. Текст как исповедь // Язык и текст: онтология и рефлексия. Silentium. Специальный выпуск: материалы к I Международным философским культурологическим чтениям, Санкт-Петербург, 17-21 августа, 1992 г. СПб., 1992.
15. Худякова Г. П. Исповедальный жанр в русской литературе // Сибирская православная газета. 2007. № 9.
16. Чудинова В. И. Поэтика исповеди в рассказах и повестях А. П. Чехова 80-х – начала 90-х годов: дисс. … к. филол. н. М., 2001.
17. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Информация об авторах | Author information

RU

Бобырева Екатерина Валерьевна[1], д. филол. н., проф.
[1] Волгоградский государственный социально-педагогический университет

EN

Ekaterina Valerievna Bobyreva[1], Dr
[1] Volgograd State Social Pedagogical University

[1] *new_life@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 25.04.2026; опубликовано online (published online): 21.05.2026.

Ключевые слова (keywords): исповедальная интенция; жанр мемуаров; религиозный дискурс; религиозная исповедь; функции исповедальности; confessional intention; memoir genre; religious discourse; religious confession; functions of confessionality.